

Кафедра

**СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА:
ЯВНЫЕ И СКРЫТЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ¹**

В.П. Макаренко

Южный федеральный университет

Аннотация: Публикуемый текст представляет собой лекцию, которая была прочитана автором в 1992 г. для слушателей Института повышения квалификации преподавателей общественных наук при Ростовском государственном университете, а затем издана отдельной брошюрой. Рассматриваются проблемы социальной структуры, её явных и скрытых элементов, элит и групп давления, клик, мафий и родственно-земляческих связей. Основанием для републикации служат два факта: изложенные в лекции 1992 г. идеи развиты коллегами и привели к квалификации современного политического порядка в России как кликократического; к автору до сих пор обращаются с просьбами прислать материал тридцатилетней давности.

Ключевые слова: социальная структура, её явные и скрытые элементы, элиты и группы давления, клики, мафии, родственно-земляческие связи.

Любое развитое общество представляет собой систему, состоящую из множества различных элементов. С точки зрения величины можно выделить: микроэлементы (индивиды), миниэлементы (социальные группы) и макроэлементы (классы, нации). Из этих элементов состоит социальная структура.

В рамках каждого общества можно выделить население как некое множество индивидов, определить их число и социально-демографические свойства. НО при исследовании социальной структуры нельзя концентрироваться лишь на индивидах. И не потому, что люди разные и отличаются друг от друга. Причина в том, что люди в своей единичности и неповторимости не являются непосредственными элементами социальной структуры.

Таковыми элементами выступают множества индивидов, которые сформировались в обществе в процессе совместной жизни и взаимодействия. Эти множества образуют данное общество. Отдельные индивиды существуют в социальной структуре только опосредованно – через участие в различных социальных множествах, выполняемые в них функции и социальное положение, которое определяется названными функциями.

В зависимости от принятых методологических предпосылок социологическое исследование общества может рассматривать классы, нации, сословия, слои, малые группы и т. п.

¹ Впервые опубликовано: Макаренко В.П. Социальная структура: явные и скрытые элементы. – Ростов-на-Дону, Изд-во «Логос», 1992. – 18 с.

К настоящему времени в мировой социологии существуют два главных подхода к изучению социальной структуры: марксистский и структурно-функциональный. Марксистский подход традиционно сосредотачивался на изучении классов, наций и других больших социальных групп. Представители структурно-функционального подхода главным объектом анализа обычно считают социальные группы. За последние десятилетия в отечественной социологии пробили себе дорогу (разумеется, с громадным запозданием и издержками) тенденция к сближению обоих подходов. В статьях и книгах о социальной структуре теперь речь идёт в основном о социальных группах.

Возникает вопрос: есть ли нечто общее между марксистским и структурно-функционалистским подходами к исследованию, если пренебречь методологической и страноведческой спецификой генезиса того и другого? Я думаю, общее заключается в том, что несмотря на все различия между марксизмом и структурно-функционалистским подходом к изучению социальных явлений, они фиксируют и делают предметом анализа лишь явные элементы социальной структуры. И пренебрегают её скрытыми элементами, хотя последние имеют большое значение в формировании общественной жизни и потому заслуживают не меньшего внимания, чем классы, нации, социальные группы и др.

Характерно и то, что скрытые элементы социальной структуры фигурируют либо в уголовной хронике, либо в политической публицистике, либо в юридических и психологических работах о «девиантном поведении». Но практически не затрагиваются в публикациях, посвящённых социальной структуре общества. Программы социологического обучения в стране также обходят эту тему. Данный факт тоже заслуживает размышления, однако не входит в задачи лекции.

Если мы говорим о социальной структуре в рамках целостного восприятия общества (методологические аспекты этой целостности или тотальности также могут быть предметом особого разговора), то обычно имеем в виду не просто множество различных элементов, из которых состоит общество, но нечто большее. Социальная структура есть такое множество его составных частей, которые в своём существовании, поведении и действии обнаруживают присущую им организацию. Последняя соединяет указанные части и формирует их взаимодействие в соответствии с целями данного общества.

Если нам требуется более подробное знание о социальной структуре, то мы должны учитывать как её явные элементы, так и скрытые, увидеть которые иной раз трудно, хотя мы ощущаем их не только интуитивно. Скрытые элементы социальной структуры обычно не бросаются в глаза и существуют наряду с официально признанными. Те и другие определяют данную структуру, поэтому их изучение важно с теоретической и практической точек зрения. Одним словом, такое знание необходимо, если мы ставим перед собой серьёзную цель что-то существенно изменить в обществе и пытаемся соответствующие политические, правовые или экономические решения.

Общие рассуждения о классах, нациях, слоях и этносах уже не настолько продуктивны, чтобы дать какое-то новое знание о социальной структуре. На основе абстрактных констатаций нельзя сформировать конкретные программы преобразования или формирования общества. Не исключено, что исследование скрытых элементов социальной структуры может продвинуть вперёд не только социологию, но и политологию, этнографию, не говоря уже о практическом взаимодействии социолога со структурами власти, которые сопротивляются или соглашаются с программами социальных преобразований.

Чтобы выполнить эту задачу, попытаемся указать различие между явными и скрытыми элементами социальной структуры.

К явным элементам принадлежат все те составные части общества, которые настолько институционализированы и формализованы, что считаются самоочевидными и не требуют ни

особых доказательств, ни социологического или политологического профессионализма. Явные элементы порождают официальное представление о данном обществе, которое обычно широко тиражируется и преподаётся.

Явные элементы социальной структуры включают:

1. Классы и классоподобные образования (рабочий класс, крестьянство, интеллигенция).
2. Политические группы (партии, общественно-политические и профессиональные образования и движения).
3. Территориально-региональные группы, которые можно вычленить по географическим, этническим или социально-экономическим критериям (типа Поволжья, Дона, Кубани, Урала, Сибири и т. п.), а также в соответствии с административным делением страны (область, край, республика и т. д.).
4. Вероисповедные группы: большие (типа православных, католиков, магометан, буддистов) и малые (религиозные секты и подпольные церкви).
5. Демографические группы, которые выделяются по критериям пола, возраста, образования, профессии, социального происхождения и проч.

В практике общественной жизни все перечисленные элементы выделяются с точки зрения определённых критериев, которые важны не только для теории. Каждый из названных критериев в той или иной степени связан с конкретными правами, обязанностями и чувствами людей. В этом смысле они не тождественны социальной статистике, поскольку могут быть субъектами социально-значимых действий. Конечно, данные элементы не исчерпывают всех составных частей социальной структуры. Но они настолько важны, что без них не может обойтись ни социологическое исследование, ни мало-мальски нормальное управление обществом.

Поскольку все явные элементы достаточно хорошо известны, более пристально присмотримся к скрытым элементам социальной структуры.

В любом обществе наряду с явными социальными образованиями существуют «невидимые» на первый взгляд, однако влияющие на социальную жизнь достаточно сильно элиты, группы давления («лобби»), клики, мафии и родственно-земляческие связи или группировки. Нельзя отрицать тот очевидный факт, что указанные элементы непосредственно и опосредованно формируют общество и влияют на него. Непосредственное влияние заключается в прямом воздействии на главные сферы общественной жизни – экономику, политику и идеологию. Опосредованное влияние происходит через уклады или констелляции интересов, которые существуют в обществе и в его отдельных частях.

Названные элементы являются скрытыми не только потому, что они не зарегистрированы социально и по своим размерам меньше явных элементов социальной структуры. Они труднее фиксируются социологическим анализом, так как нередко сознательно скрывают своё существование, хотя оно не всегда противоречит праву. Этим объясняются причины их недостаточной социологической изученности.

Обычно скрытые элементы социальной структуры существуют неофициально, поскольку сам факт их наличия может не одобряться обществом. Тогда как в соответствии со стандартами бюрократизированной науки существует то и только то, что признаётся официально. Например, если многообразные ведомственные и политические лобби или мафиозные группировки не зарегистрированы, то они официально вроде бы не существуют. По этой причине рутинно мыслящий социолог или политолог пренебрегает их исследованием.

В то же время из истории многих обществ, включая советское, хорошо известно, что упорное замалчивание тех или иных фактов и явлений не приводит к их ликвидации. Всякие барьеры на пути к обладанию социологически-беспощадной информацией порождают то,

что данные социальные явления получают возможность трансляции независимо от социальных изменений, сколь бы революционными они не были. Факт наличия скрытых элементов социальной структуры требует заново обсудить проблему социальной нормы и социальной патологии.

В каждом обществе *нормальные* и *патологические* явления устанавливаются чисто конвенционально, ибо провести границу ними чрезвычайно трудно. Поэтому всякие разговоры об определённых социальных явлениях как о «пережитках» или «родимых пятнах» теоретически бесплодны, а политически-опасны. Например, Маркс конструировал такое представление об обществе, в котором связи между людьми являются прозрачными по той причине, что устанавливаются рационально или по любви. Но достаточно прочесть письма основателя новой идеологии к своему будущему зятю, чтобы уяснить, основоположник новой концепции социального устройства был ничуть не свободен от типично бюргерской заботы о своих «чадах и домочадцах». А поскольку рациональность в марксовом понимании предполагает только революционный акт освобождения пролетариата от всей мерзости старого общества, то марксова забота о своих собственных детях оказывается в той же степени «нормальной», что и «ненормальной».

Приведу ещё один пример. Революционные элиты России давно проповедовали презрительное отношение к семье, так как (по определению основоположника марксизма) семья есть самая абстрактная характеристика человека. Однако эта проповедь ничуть не помешала тому, что браки между революционерами и революционерками заключались в сравнительно узком кругу. Тем самым чисто идейные или политические связи на деле могут способствовать тому, что на вершине власти транслируется типично традиционалистская структура семьи, а вслед за нею – весь старый хлам социальной исключительности и мезальянса. Что здесь следует считать нормой, а что патологией?

Короче говоря, некоторые социальные связи и факты существуют независимо от нашего одобрения или неодобрения. Поэтому свободная от бюрократического подхода к действительности наука должна заниматься не только тем, что обрело официальную санкцию существования и одобрения, но и теми явлениями, которые таких санкций не имеют, но объективно существуют.

Рассмотрим подробнее скрытые элементы социальной структуры.

Элиты и группы давления. В повседневном языке под элитой понимается определённое множество людей, которые отличаются от остальных с точки зрения реальных или приписываемых свойств. Нередко элиты отождествляются с начальством разного ранга.

В социологии термин *элита* тоже не однозначен. По мнению В. Парето, элита – это руководящая группа, которая противостоит массам [Pareto 1955, 161–163]. Аналогичным образом определял элиту Ортега-и-Гассет: «Элита есть множество индивидов, обладающих особой интеллектуальной квалификацией и осознающих свою индивидуальность. Тем самым элита противостоит массе как множеству обычных рядовых людей» [Ortega y Gasset 1955: 71]. Нередко под элитой понимается множество людей, выполняющих руководящие функции в социальной, экономической, политической, научной или культурной жизни [Dreitzel 1962: 231].

В самом общем виде элитой признается множество людей, занимающих высшее положение в обществе с точки зрения установленных правил престижа или авторитета. Легитимность элит обычно оправдывается наличием у них определённых свойств, которые высоко оцениваются в данном обществе. К их числу относятся: аристократическое происхождение, богатство, высокие достижения в различных сферах профессиональной деятельности, степень влияния в экономической, социальной и политической жизни. Р. Дарендорф считает,

что элиты есть группа носителей ведущих позиций в институционализованных структурах политики, экономики, образования, права, армии, религии и культуры [Dahrendorf 1961: 79].

Приведённые определения элит должны быть соотнесены с конкретно-историческими формами общества. Например, при изучении феодального общества (или кастовых обществ Востока) становится ясно, что принадлежность к элите была связана с принадлежностью к привилегированным сословиям. Сам факт рождения («родовитость», «знатность») в привилегированном сословии означал право наследования собственности и социального положения родителей. Через эти механизмы социальной трансляции можно было войти в состав руководящих групп общества, из которых рекрутировались политические, военные, идеологические и иные руководители. Так понятая элита была замкнутой группой династического или олигархического характера [Mannheim 1966: 101–106].

По мере становления капиталистического общества, ликвидации сословий и развития демократии концепция династических и олигархических элит теряет свою эвристическую и методологическую ценность. Появляются концепции элит, существующих по принципу «свободной игры сил». В капиталистическом обществе в состав элиты может войти каждый, и каждый может быть из неё исключён – в зависимости от достигнутых успехов или понесённых поражений в конкуренции с другими. Этот принцип поддерживается всеобщим образованием и равенством граждан перед законом.

Ясно, что доступ в понятую таким образом элиту не был усеян розами. Беспардонная конкурентная борьба – основной принцип существования капиталистического общества. Буржуазное общество ликвидирует все ограничения, вытекающие из феодальных привилегий, зато привилегия обладания собственностью стала главной. Право собственности при капитализме определяет переход имущества, средств производства, капиталов и иных благ из рук одного поколения в руки другого. То же самое можно сказать о социализме. Несмотря на все усилия анархистов ликвидировать право наследования, сделать это до сих пор не удалось. Поэтому право собственности переплелось с феодальным правом наследования и определяет положение индивидов в современных капиталистических и социалистических (хотя сами названия стали уже чисто условными) обществах.

Иными словами, постфеодальное общество заменяет наследование феодальных титулов наследованием собственности или должности. Вместо родовых олигархий появляются финансовые, политические и управленческие олигархии, влияние которых значительно шире, нежели влияние древних феодальных олигархий, связанных с царствующими династиями посредством браков или ленов. Влияние постфеодальных сплошь и рядом выходит за рамки данного общества или государства.

На определённом этапе развития индустриальных обществ возникает разделение функции управления и права собственности. Промышленное производство и государственная машина усложняются и требуют особых кадров руководителей и специалистов. Под влиянием таких изменений преобразуются способы управления хозяйством и государством, появляется мощный слой экономической, политической и идеологической бюрократии. Серьёзные исследователи единодушны в том, что в социалистическом обществе этот слой становится новым классом. Возникают противоречия между собственно капиталистическими олигархиями и принципами демократии.

Как правило, шансы преодоления этих противоречий усматривались в реализации следующих принципов:

Всеобщее образование населения включает развитую систему знаний о правах и обязанностях гражданина, которую должен усвоить каждый, кто собирается заниматься политической и управлением государством.

Разделение труда порождает блок специальных знаний о различных сферах общественного производства. Из специалистов формируются руководящие элиты и органы общества, способные выражать стремления и интересы его наиболее многочисленных и влиятельных классов и слоёв. Избирательная система, выполняющая указанные функции, должна находиться под постоянным контролем общества.

Отбор руководящих органов из всех классов и слоёв общества осуществляется на основе критериев специализации и социально-этических требований. Это необходимо для того, чтобы преодолеть негативные последствия циркуляции элит путём постоянной смены караула на руководящих постах.

Однако опыт XX в. показал, что вся приведённая система критериев может стать основанием для появления новых привилегий и элит типа номенклатуры и социалистических странах. Она выполняет функции правящего, эксплуататорского и привилегированного класса общества. Никаких радикальных средств для предотвращения данного процесса социальная наука и практика пока предложить не может. Видимо, он просто свидетельствует о неизбежном загнивании индустриального общества независимо от его капиталистической или социалистической окраски.

В отечественном обществоведении проблема элит при анализе социальной структуры практически не затрагивалась, за незначительными исключениями [Нарта 1977]. Официальная наука партийного и советского строительства оперировала понятием *кадры* для конструирования идеальной модели политика и управленца. Сочинялись горы идеологической макулатуры о *кадрах революционеров, партийно-хозяйственном активе, идеологическом активе* и т. п. По сути дела, данная терминология скрывала проблематику, которая с мировой политологии связана с анализом элит. Мало того, что термин *кадры* менее строг, чем понятие *элита*. Слуги политического режима, существовавшие до недавних пор в СССР и других странах Восточной Европы, обычно избегали этого понятия, потому что оно разработано в буржуазной социологии. Разумеется, нельзя отрицать идеологическое содержание любого понятия социальной науки. Но проблема мистифицированного смысла любой политической идеологии, включая марксистскую, у нас тоже изучена слабо.

Однако последовательные марксисты XX в., целиком или частично несогласные с ленинско-сталинской версией марксизма (Л. Троцкий, М. Джилас, Д. Бернхем, М. Восленский и др.), вполне детально обосновали идею: значение классов в социальной структуре ничуть не мешает существенно отличаться от роли классов. Развивая эту идею, можно сказать: отрицание существования элит в нашем обществе тождественно такой мыслительной процедуре, когда мы отрицаем существование палочки Коха, поскольку не разделяем его взглядов на происхождение туберкулёза. Аналитический подход к социальной структуре предполагает учёт всех её составных частей, а не только главных или ведущих.

Элиты современного общества можно выделять по горизонтали – и тогда мы получаем набор экономических, политических, военных, идеологических, научных, культурных и т. п. элит, и по вертикали – и тогда объектами анализа становятся люди и группы, имеющие общесоциальное, региональное и локальное значение. Такой подход намечен в исследованиях Р. Миллса и других учёных [Миллс 1959]. При этом обычно одни делают акцент на происхождение, другие – на внутреннюю дифференциацию элит.

Функционирование элит тесно переплетено с существованием различных групп давления или лобби. Эти группы прежде всего защищают свои собственные интересы, но попутно могут защищать интересы тех слоёв общества, которые являются источником их реальной или мнимой силы. Группы давления влияют на партии, парламенты, различные звенья власти и управления, а также на общественное мнение. Главное средство такого влияния – угроза призвать к действию те социальные слои, которые за ними стоят и интересы которых они

выражают в конкретной ситуации. При этом выражение данных интересов обычно переплетено с текущими интересами групп давления.

К важнейшим группам давления относятся те, которые не борются прямо за власть, но настаивают на учёте своих интересов. Речь идёт о профессиональных союзах, промышленных, торговых и ведомственных группах, профессиональных военных, женщинах, ветеранах, казаках, учёных и т. д. В принципе, все общественные организации – от профсоюзов шахтёров до литераторов клуба «Апрель» – могут быть причислены к группам давления. Они стремятся держать в постоянной готовности своих сторонников для того, чтобы в любой момент времени поддержать свои мнения и предложения массовыми акциями или другими формами протеста. Кроме того, группы давления пользуются лобби для достижения своих интересов.

Первоначально лобби формировались в системе буржуазной демократии как неформальные кулуарные образования. Как правило, они действуют на внепарламентском уровне в целях влияния на различные звенья аппарата власти в интересах определённых слоёв, групп и организационных структур. Средства такого влияния могут быть политическими (поддержка на выборах) и экономическими (подкуп заинтересованных лиц, введение их в состав учредителей тех или иных обществ). Историки и социологи считают, что генезис системы лобби относится к XIX в. В парламентских демократиях (Англия, США) данная система обрела все права гражданства и стала одним из факторов коррупции власти.

С некоторыми модификациями сказанное можно отнести к истории России и СССР. Здесь воздействие на вершину власти осуществлялось только через различные звенья государственной бюрократии. На мой взгляд, становление парламентской системы в России приведёт к переплетению ведомственно-бюрократических лобби с законодательно-парламентскими. Образование парламентских фракций и групп – первый публичный шаг на этом пути. Он просто закрепил существующую практику. Конечно, до недавних пор группы давления в СССР не могли пользоваться публичной поддержкой тех или иных групп населения. Поэтому их влияние на сферу «высокой политики» было незначительным. Однако во всех остальных сферах социальной жизни (экономика, культура, наука) их роль была традиционно высокой, хотя изучением этих групп учёные практически не занимались.

Сочетание личного произвола конкретного руководителя с практикой народно-хозяйственного планирования отражало закулисно-бюрократический способ решения социальных проблем и выражения интересов определённых групп. Вследствие этого большое количество региональных и ведомственных инвестиций становилось соответствующей статьёй государственного бюджета в результате действия лобби. То же можно сказать о практике управления культурой, образованием, спортом, обороной, промышленностью, социальной сферой и т. д. Все упомянутые явления пока находятся вне сферы систематического научного анализа.

Последние годы обнажили ещё один приём деятельности лобби, тесно связанный с работой пропагандистского аппарата: систематическое преувеличение значимости одних лиц или институтов и замалчивание или демагогическая борьба с другими. Видимо, данный способ тоже будет возрастать по мере перехода страны к демократической системе управления.

Таким образом, нет оснований отрицать наличие групп давления и лобби в советской и постсоветской социальной и политической практике.

Клики, мафии, родственно-земляческие связи – наиболее известные скрытые элементы социальной структуры.

Клика – это малая группа, которая существует в рамках большой, возникает спонтанно и стихийно и потому принадлежит к системе неформальных связей, типичных для любых

институционализированных структур общества. Такие группы обычно стремятся с помощью закулисных действий так сформировать социальную и организационную структуру, чтобы занять в ней господствующее положение и получить наибольшую материальную пользу. Цель клики – полное господство над структурой без её изменения.

Анализ российских и советских клик пока концентрируется на происхождении партократии и накоплении первичного эмпирического материала о деятельности и связях людей, образующих вершину власти в различные периоды истории СССР [Авторханов 1991; Медведев 1990]. Средний и низший уровни государственной пирамиды до сих пор не изучены. Тем больший интерес представляет типология политических и управленческих клик, которую предлагает М. Дальтон на основе сравнительного исследования систем государственного управления США, Англии, Канады, Франции и Италии с 1900 по 1975 год [Dalton 1979, 194–201]. Он выделяет пять типов клик:

Симбиотическая клика с вертикальной структурой. Как правило, её организатором является лицо, занимающее высокое положение в социальной и политической иерархии. Через систему взаимных поддержек и протекций она привязывает к себе лиц, занимающих средние и низшие посты в аппарате управления. Такая клика использует следующие виды взаимных услуг: начальник снисходительно относится к слабостям подчинённых, а последние ведут в его пользу внутренний шпионаж, информируют о различных опасностях, поддерживают при выборах, организуют общественное мнение в его пользу и т. п. Поскольку услуги сторон являются взаимными и примерно равными, клика квалифицируется как симбиотическая.

Паразитическая клика с вертикальной структурой. С точки зрения генезиса и структуры она аналогична предшествующей. Но отличается от неё неравенством услуг. Некоторые из подчинённых выступают фаворитами начальства, которое таким образом покупает их преданность и с помощью фаворитов подчиняет всех остальных. Вокруг фаворитов создаётся ореол особых возможностей и влияний, что вызывает удивление и страх со стороны рядовых граждан, не являющихся членами клики. Такая клика действует по древнему принципу: «Разделяй и властвуй».

Защитная клика с горизонтальной структурой. Она обычно возникает в период глубоких социальных и политических реформ, связанных со сменой политического курса правительства. В этом случае члены государственного аппарата решают объединить свои силы, чтобы солидарно противостоять любым изменениям при помощи саботажа, чисто формальной и символической деятельности и т. п.

Агрессивная клика с горизонтальной структурой появляется в результате перекрещивания различных интересов. Она имеет своей целью изменение существующего уклада социальных, политических или организационных сил, а не удержание его в прежнем положении. Члены такой клики занимают примерно одинаковое положение в социальной и организационной структуре и имеют общие интересы. Для их достижения они поддерживают друг друга в борьбе за власть.

Случайная клика возникает на основе знакомства или дружбы и вытекающих отсюда обоюдных удовольствий, связанных с потребностями, желаниями и вкусами людей, её образующих.

Указанная типология политических и управленческих клик в значительной степени пересекается с типологией служащих государственного аппарата СССР [Курашвили 1988].

Идейный работник отличается адекватным пониманием природы государственного управления. Смысл своей жизни и работы он видим в служении обществу и потому не противопоставляет себя управляемому. Необходимые ограничения интересов членов общества для него неотделимы от самоограничения. Такому человеку обычно нужны реальные результаты, а не формальные показатели. У него есть концепции, он готов брать на себя ответ-

ственность, нагружает себя и подчинённых сверх всякой меры и способен жёстко спросить с тех, кто трудится не в полную меру. Такого типа работники бывают хорошими организаторами, однако не считают себя незаменимыми и готовы уступить место более сильным работникам. Карьерные соображения сами по себе им чужды, хотя иногда бывает желание продвинуться по службе для организации вынашиваемых замыслов. В то же время идейные работники обычно пассивны в служебной самореализации.

У *честного служаки* тоже есть все перечисленные качества, за исключением творческой энергии. Такой человек может быть энергичным исполнителем, а не новатором. И остаётся им даже тогда, когда занимает руководящий пост. Но едва это становится правилом (которое типично для государственной бюрократии), политический и управленческий потенциал государства снижается. Если задача стабилизации социальной и организационно-управленческой систем становится основной, то такое снижение происходит в массовых масштабах. Поэтому политическое эпигонство становится главной характеристикой людей, занятых в аппарате управления.

Это эпигонство выражается в деятельности *добросовестного бюрократа* – следующего типа государственных служащих. Данный тип убеждён в ненужности любой инициативы граждан и верит в творческую мощь государственной машины. Этатистски истолкованный общий интерес становится ведущим мотивом его деятельности. Добросовестный бюрократ – сторонник максимального огосударствления общественной жизни и централизации управления. При таком подходе управление становится разновидностью технологического процесса, а граждане – слепыми исполнителями.

Свокорыстный бюрократ – наиболее часто встречающийся тип государственных служащих. В своей жизни от руководствуется своекорыстием, властолюбием и стремлением к духовному господству. Ему одинаково безразличны интересы общества и его членов. Ни в какую самостоятельность граждан он не верит, но для достижения собственных целей может вызвать их инициативу и использовать её. Все социальные цели он рассматривает как средство достижения своих личных целей и целей той группы, к которой он принадлежит. Свокорыстный и властолюбивый бюрократ – мастер политической и закулисной манипуляции. Никаких идей у него нет, зато он умело осваивает и присваивает чужие. Такие люди обычно делают карьеру во всяком стабилизированном обществе и аппарате управления.

Вернёмся к вопросу о типологии политических и управленческих клик. По мере движения от идейного работника к своекорыстному бюрократу вероятность их существования возрастает от 0 до 1. Поэтому при анализе конкретных социальных, политических и управленческих структур трудно определить, имеем ли мы дело с кликой или коллективом как совокупностью людей, связанных между собой солидарностью, сотрудничеством и стремлением к общим целям. В качестве предварительных критериев можно предложить такие:

Клика стремится к достижению своекорыстных и властных целей, не заботясь о средствах, но в то же время избегает нарушений уголовного кодекса. Коллектив стремится реализовать цели данной организации с учётом норм морали и права.

Члены клики объединены предметными связями и взаимозависимостями (типа организационно-управленческих схем деятельности), которые направлены на достижение её целей. Тогда как члены коллектива связаны социальной или идейной близостью.

Клика обладает более или менее жёсткой иерархической структурой, хотя последняя не всегда заметна и обычно переплетается со способом возникновения и принципами данной организации. Коллективы обладают такой структурой, которая вытекает из организационных схем и является публичной.

Указанные характеристики клик связывают их с мафиозными и гангстерскими группировками.

Мафия – это группа лиц, которая стремится к достижению своекорыстных и властолюбивых целей не только в рамках определённой организации, но и общества в целом. Любая мафия руководствуется классическим принципом: «Цель оправдывает средства». Мафии связывают людей, принадлежащих к различным организациям в обществе, хотя их деятельность не всегда оказывается преступной. Гангстерские группы отличаются от мафии лишь тем, что вполне сознательно ставят перед собой преступные цели.

Мафии и гангстерские группы обычно действуют конспиративно и этим отличаются от клика. Члены клика обычно не имеют склонности к конспирации и любят афишировать свои связи, влияния и возможности. Тем самым клика постоянно заботится о возможных сторонниках и нейтрализации возможных противников. В любом случае она стремится скрыть такие подробности и принципы своего существования, которые угрожают её деятельности.

Родственно-земляческие связи – следующая разновидность скрытых элементов социальной структуры. В чистом виде она встречается в деревне и маленьких городах, хотя и большие от неё не свободны. В каждой деревне или небольшом городке существует круг людей, которые занимают ключевые позиции в сфере хозяйства, управления, культуры. Сам характер деятельности вынуждает их вступать в различные контакты и оказывать взаимные услуги. Подобные контакты могут поддерживаться независимо от различия в мировоззрении, политических взглядах, социальном происхождении и принадлежности, образовании и богатстве. Этот круг людей может быть назван группой местных нотаблей, которые по причине своего положения, образования, влияния или имущества играют главные роли в экономической, политической и культурной жизни данной местности.

Указанные группы существуют в любом обществе, независимо от его исторической, социальной и политической специфики. Г. Зиммель на основе изучения первобытных и аграрных обществ предложил называть такие группы малыми социальными кругами, которые слабо дифференцированы с функциональной точки зрения, зато отличаются непосредственными взаимоотношениями и целесообразным способом поведения. Р. Миллс при анализе современного американского общества указывает на существование в каждом городе и штате местных приятельских кругов. В отечественной социологии используется термин «родственно-земляческие связи», однако специальные исследования на эту тему мне неизвестны.

Нельзя отрицать существование подобных связей. Они не ограничиваются чистым потребительством или совместным проведением отдыха. Любой контакт между людьми связан с обменом взглядами относительно общих дел в данной местности, предстоящих назначений на те или иные посты в аппарате местной власти и управления, собственных потребностей и возможностей, взаимных услуг и согласованных действий. Правда, в русской литературе от А. Грибоедова до В. Маяковского и И. Сельвинского царит отрицательное отношение к этим связям, российское общество не смогло их преодолеть. Данные группы могут влиять на общественное мнение и организовывать взаимную поддержку. Благодаря им могут преодолеваются существующие противоречия между индивидами, которые входят в состав различных социальных классов и слоёв. Поэтому родственно-земляческие связи модифицируют социальную структуру и вытекающие из неё социальные, экономические и идеологические следствия.

В заключение подчеркну, что для адекватного отражения социальной структуры необходимо учитывать её явные и скрытые элементы. Одни и те же классы могут быть правящими в различных обществах, но отсюда не следует идентичность их возможностей преобразования социальной структуры и реализации власти. Осуществление классового господства зависит от того, с кем делит свою власть данный класс и над кем её реализует. В этом процессе

оказываются значимы все описанные социальные структуры, исключая социальные институты, идеи и символы, за которыми всегда стоят определённые люди.

Истинность этого тезиса можно подтвердить многими фактами современной жизни. Весьма показательна ситуация в Закавказье. Социальные конфликты здесь зависят не только от классовой и национальной структуры различных республик и вытекающих отсюда противоречий, но и от существования различных политических и религиозных групп, мафий, элит, кланов и родственно-земляческих связей, которые своими действиями модифицируют социальные детерминанты и обостряют конфликты. Поэтому анализ скрытых элементов социальной структуры необходим для адекватного отражения социальных противоречий и выработки надлежащей политики.

-
- Авторханов А. 1991. *Происхождение партократии*. – М.
- Курашвили Б.П. 1988. *Борьба с бюрократизмом*. – М.
- Медведев Р. 1990. *Они окружали Сталина*. – М.
- Миллс Р. 1959. *Властвующая элита*. – М.
- Нарта М. 1977. *Теория элит и политика*. – М.
- Dahrendorf R. 1961. *Über einige Probleme der soziologischen Theorie der Revolution*. – *European Journal of Sociology*. – № 2.
- Dalton M. 1979. *Man Who Manage*. – Wiley.
- Dreitzel H. 1962. *Elitebegriff und Socialstruktur*. – Stuttgart.
- Mahnhaim K. 1966. *The Man and Society in an Age of Reconstruction*. – London.
- Ortega y Gasset J. 1996. *Gesammelte Werke*. – Stuttgart/München: Deutsche Verlags-Anstalt.
- Pareto V. 1955. *Allgemeine Sociologie*. – Tubingen.